

Л.В. Тодоров

Накануне годовщины 4-го августа 1864 г.

Стихи написаны Тютчевым в преддверии первой годовщины со дня смерти любимой женщины — Е. Денисьевой. Они составляют целый цикл произведений поэта, созданных после ее кончины.

Такие произведения следует называть высшим человеческим откровением, поэт словно допускает своего читателя-собеседника в неведомые глубины сознания людского.

И одновременно в стихотворении с предельной ясностью обнаружилось две основные приметы тютчевской поэтики. Если внимательно приглядеться к тексту, то нельзя не обратить внимание на беспредельную конкретность и точность реальных обозначений, деталей. Они содержатся в обрисовке и лирического пейзажа, и внутреннего состояния поэта: *тихий свет гаснущего дня, большая дорога, последний отблеск дня, где жили мы с тобою, память рокового дня...* Другой ряд поэтической предметности — состояние духа лирического героя: *тяжело мне, замерзают ноги; завтра день молитвы и печали; мир, где жили мы с тобою...*

Но за такой сиюминутной данностью, улетающим светом умирающего дня возникает мотив вечного, непреходящего — вот здесь, рядом, навсегда — видения. По непредсказуемой прихоти сознания и души, из самого существа страдания вырывается неземное звучание, мечта, вера, призыв:

Друг мой милый, видишь ли меня?

С лексической заменой *друг мой* — *ангел мой* (синоним?) обращение еще дважды повторится в заключении строфы. Так зарождается неповторимый «своеобразно тютчевский» (Л. Толстой) взгляд за пределы доступного.

Мир, где жили мы с тобою — где б души ни витали... Предельная конкретность несказанной силой памяти обращается в сложную картину всечеловеческого, что чаще всего именуется — космизм.

Предельно интимное, несказанно личное состояние благодаря чуду тютчевской поэзии становится всеобщим достоянием рода людского. Из глубин всепоглощающего Аида, навеки забирающего наши души, силой памяти, неведомого необъяснимого таланта навсегда сохранится истово искренний призыв: ты видишь меня? Так светлый облик человеческий остается с нами — навсегда.

По звучанию, по движению стиха, по его слиянию со смыслом творение Тютчева исполнено светлой и печальной гармонии. В самом растянутом бытовом заглавии заключена властно-тихая сила поэтического обаяния. Тонко чувствующие это обаяние выдающиеся советские литературоведы, души вложившие в познание тютчевской гармонии (Д. Благой, К. Пигарев, Л. Озеров), неоднократно подчеркивали: стихи не содержат «общепризнанных красот» поэзии.

Красота этих строк в силе лирического переживания.

Тютчев — человек и писатель, гений русского слова — воспроизвел свои ощущения в годовщину любимого друга, спутницы жизни. Строго интимные стихи для вновь и вновь приходящих поколений стали обозначать красоту земной любви и радость встречи — *где б души ни витали...*

Для стихотворения поэт избрал двусложный размер — пятистопный хорей; оно содержит три катрена с перекрестной рифмовкой *abab*, с последовательным сочетанием женских и мужских окончаний стиха.